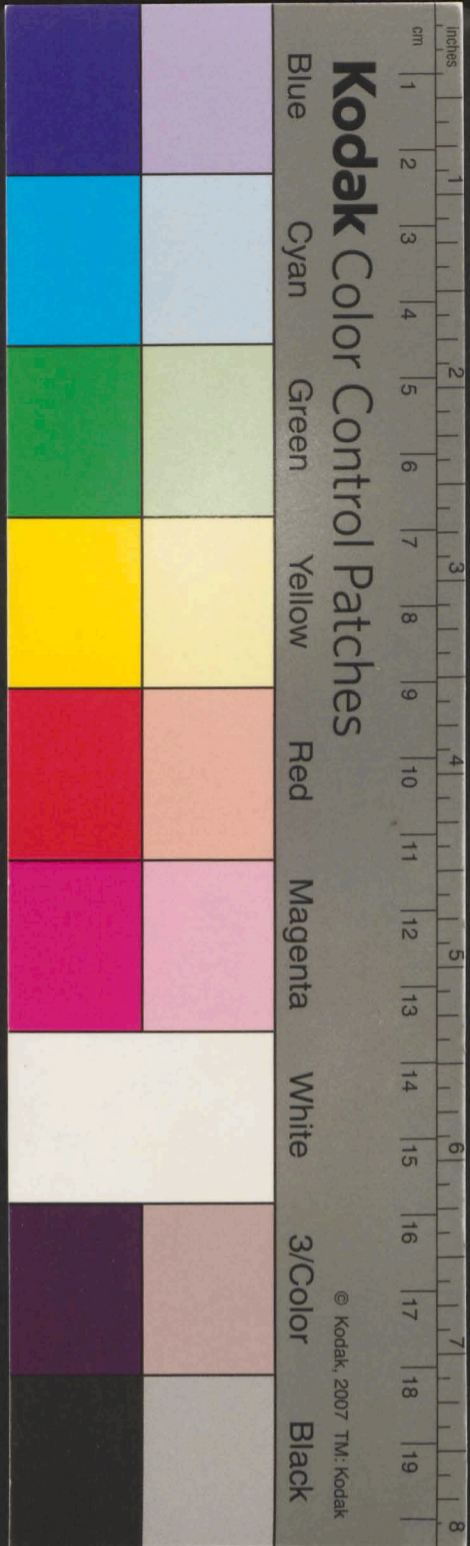
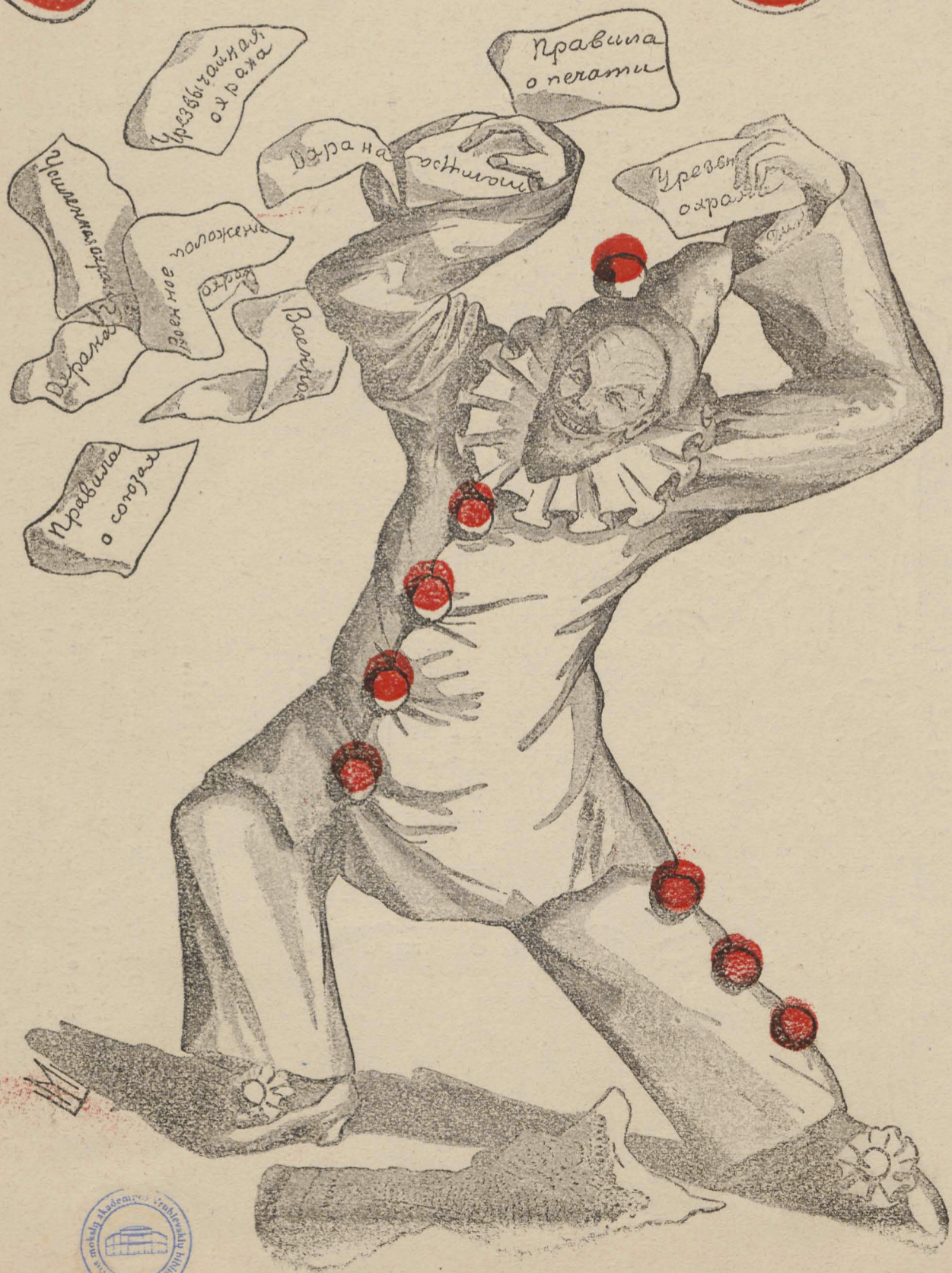

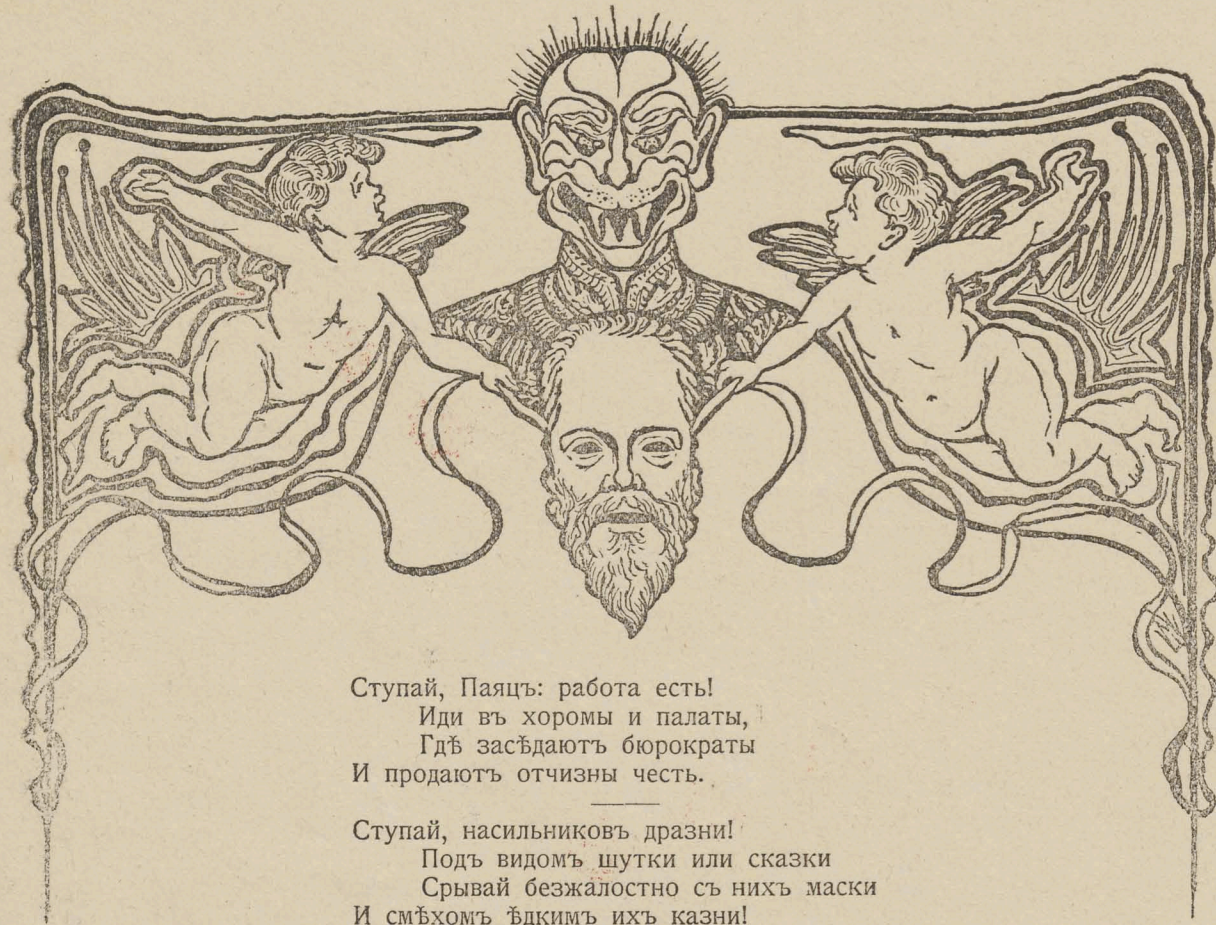
ГОЛОС

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

№1

Сатира

Ступай, Паяцъ: работа есть!
Иди въ хоромы и палаты,
Гдѣ засѣдаютъ бюрократы
И продаютъ отчизны честь.

Ступай, насильниковъ дразни!
Подъ видомъ шутки или сказки
Срывай безжалостно съ нихъ маски
И смѣхомъ ѣдимъ ихъ казни!

Деньги!..

Требуется 10,000 рублей для залога на случай предъявленія обвиненій отъ свободного суда къ редактору «Паяца» за уголовныя преступленія, караемыя «конституціонными законами о печати», не содержащимися въ 45 тысячахъ томовъ и законовъ, распоряженій, временныхъ и постоянныхъ правилъ, указовъ и наказовъ, циркуляровъ, отношеній, донесеній, заключеній, уясненій, объясненій, дополненій, къ руководству и не къ руководству прилагаемыхъ и пр. и пр. и пр.

— Сомкнись!..

Такъ командовали въ старое время, когда картечь или ядра вырывали солдатъ изъ строя. И по этой командѣ сосѣди или новые люди становились на мѣста навшихъ и ждали своей очереди.

Теперь эта команда все чаще и чаще звучитъ въ рядахъ нашей печати. Конституціонная свобода слова, охраняемая зависимымъ судомъ, засыпаетъ ряды борцовъ свободной печати картечью приостановокъ, арестовъ и приговоровъ.

— Сомкнись!..

Ряды все рѣже. Картечь приостановокъ такъ и свищетъ. Зависимые судьи неумоимо отираютъ свои обязанности. Опасно, но... нужно идти и мы ставимъ въ рѣдкіе ряды арміи печати своего «Паяца».

Надолго ли? Кто знаетъ! Быть можетъ, для того только, чтобы видѣть, какъ картечь приостановки сразитъ его въ самый моментъ появленія.

И тогда не придется тебѣ, бѣдный «Паяцъ», смѣяться и плакать надъ тѣмъ, что мы сейчасъ видимъ, не придется клеймить ничтожество и злобу, равно заслуживающія и слезъ, и смѣха.

— Сомкнись!..

На мѣсто павшаго «Паяца» встанетъ новый замѣститель, на его мѣсто еще новый и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока мы, вся Россія и всѣ русскіе граждане, добьемся права жить, а не метаться между нагайкой, укороченной свободой и вкусами г. Дурново.

Итакъ—впередъ, а тамъ пусть будетъ даже новое

— Сомкнись!..

Стихотворенія Леопольда Стаффа *).

Переводъ съ польскаго.

Умершіе боги.

Въ немъ гордый духъ возсталъ и гнѣвъ
волной вздымался,
Сносить уже не могъ онъ власть бо-
говъ отнынѣ.
Въ сознаньи силъ своихъ онъ близится
къ святынѣ,
Чтобъ свергнуть тѣхъ, предъ кѣмъ такъ
долго преклонялся.
Величьемъ опьяненъ и мощнымъ силъ
подъемомъ,

Какъ новый властелинъ, онъ не отсту-
питъ въ страхѣ.

Кумиры старые лежатъ уже во прахѣ
И дерзкаго разить своимъ безсильны
громомъ.

Свершилось... Но теперь исполненный
тревоги

Онъ ждетъ, что въ ужасѣ міръ дрог-
нетъ, надъ которымъ

Владыки больше нѣтъ, гдѣ вымерли всѣ
боги...

Что мракъ безумія всѣмъ овладѣлъ про-
сторомъ.

Раскрыта дверь... Глядитъ растерянно
тревожно.

Міръ тотъ же что и былъ... Мертво
все и ничтожно.

*) Изъ сборника «Сны о могуществѣ». Л. Стаффъ молодой современный польскій поэтъ.

А. К—скій.

Калигула коня въ сенатъ
Поставилъ и отборнымъ
Велѣлъ кормить его зерномъ
Сенаторамъ покорнымъ.
Теперь не тѣ ужъ времена,
Не такъ рѣшенья быстры,
Зато не брезгаютъ овсомъ
Сенаторы—министры.

Пифъ-Пафъ.

Разговоръ двухъ пріятелей.

(Новая басенка).

— Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?
— Въ Россіи, милый другъ...

Три года я тамъ жилъ...

Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Не хватить мнѣ, пожалуй, ни умѣнья,
Пересказать тебѣ, ни силъ.

Россія не страна, а впрямь чудесъ палата
И умными людьми особенно богата...
Какихъ людей я только не видалъ!

Тамъ Витте графъ, что миръ съ японцемъ
заключалъ,

Тамъ Дурново, тамъ графъ Толстой
Тамъ есть и Треповъ генераль,
Который «не жалѣть патроновъ» приказалъ.
И Небогатовъ тамъ непризнанный герой...

— Ну, а «Свободу»-то въ Россіи ты примѣтилъ?
Когда услышалъ я, такъ былъ ужасно радъ,
Да развѣ тамъ она? — «Какъ будто тамъ...

— Ну, виновать:

Свободы что-то не замѣтилъ...

Ювеналь.

На мотивъ изъ Гейне.

Я зовусь принцессой Ильзой,
Въ Изельштейнѣ замокъ мой;
Приходи ко мнѣ—и будемъ
Мы блаженствовать съ тобой.

Г. Гейне.

Я зовуся графомъ Витте,
Въ Петроградѣ замокъ мой;
Проберись-ка заднимъ ходомъ
Побесѣдуемъ съ тобой.
Разскажу, какъ въ кабинетѣ
Президента труденъ постъ,
Какъ нужна тутъ мудрость змія
И пушистый лисій хвостъ,
Какъ сцѣплять съ безправьемъ право,
Чтобы вышелъ все же толкъ,
Чтобы овцы всѣ не сгибли
И сытехонькимъ былъ волкъ.
Какъ создать рядъ важныхъ хартій,
Чтобъ дразнили всѣхъ онѣ,
Чтобъ смута безудержно
Разлилась по всей странѣ.
Какъ такихъ министровъ ловко
Подобрать въ свой кабинетъ,
Чтобы могъ всегда крыловскій
Быть разыграннымъ квартетъ.
Разскажу, что тяжелѣе
Всѣхъ цѣпей и всѣхъ веригъ
Сѣтъ придворныхъ сплетень лживыхъ,
И доносовъ, и интригъ.
Разскажу, что все я чаще,
Какъ бѣдняга Годуновъ,
Вижу мальчиковъ кровавыхъ,
Звонъ немолчный кандаловъ.
Что едва на мигъ забудусь
Я тяжелымъ только сномъ,
То себя владыкой вижу,
То канатнымъ плясунюмъ.

Донъ-Рамиро.

Сатирик — такой чудакъ, который желает поймать слона въ мышеловку. Въ этой затѣѣ слономъ является человѣческая глупость.

*

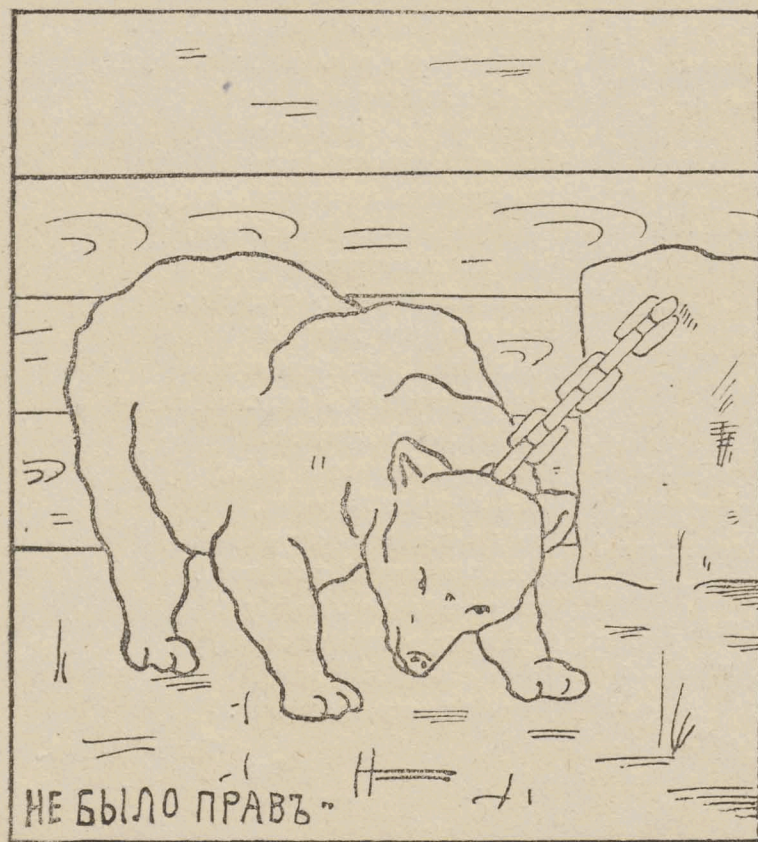
Благонамѣренныя черносотенцы утверждаютъ, что всякая власть дана отъ Бога.

За то тѣ, которые это отрицаютъ, властью отнюдь не предоставляются на волю Божию, а водворяются въ «кресты».

*

Наставленія старика Пелонія мечтателю Гамлету — подобны совѣтамъ партіи правого порядка русскому освободительному движенію.

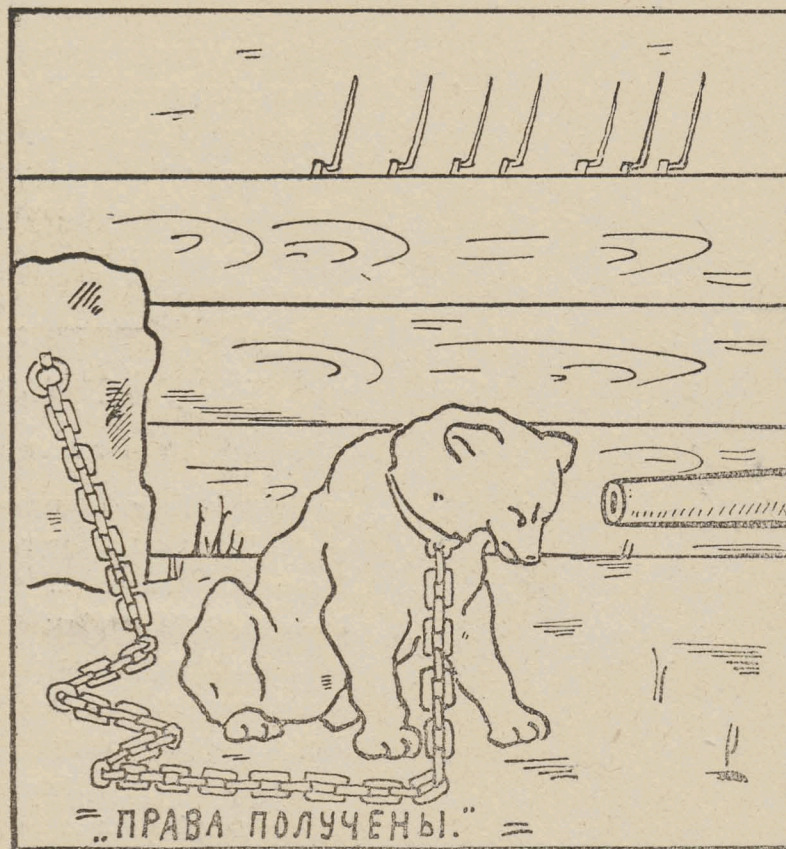
Сентимъ.

Опричникъ.

По улицамъ соннымъ опричникъ скакалъ
И громко онъ пѣснь напѣвалъ;
А дворникъ, сѣнновець и стражъ постовой
Внимали той пѣснѣ родной.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ Россіи сыновъ
Подъ мудрой опекой министровъ—отцовъ,
Онъ «треповыхъ» всѣхъ воспѣвалъ и хвала
Его непритворна была.
«Крамола» въ лицѣ Хрусталева онъ везъ
Въ тюрьму—въ міръ печали и слезъ...
И «гимнъ черной сотнѣ» нарушилъ покой
Души Хрусталева живой...
И долго насмѣшки сносила душа
Надеждою лучшей дыша...
Но дикая пѣснь заглушить не могла
Ту пѣснь, что къ свободѣ звала...

Ювеналь.

Эхъ, ты бѣдный русскій людъ!
Какъ медвѣдя, вѣкъ ведутъ
На цѣпи тебя.

То притянутъ посильнѣй,
То отпустятъ новольнѣй,
Словно бы любя.

Молвилъ какъ-то старшій братъ:
«Будь свободенъ и богатъ,
Какъ ковыль въ степи».

А другой твердитъ: не вѣрь!
Вотъ и бьешься, ровно звѣрь,
На своей цѣпи.

Антонъ Смирный.

1825

Опять горить Москва, опять бушует бой...
Поднялся новый врагъ,—
Пошелъ на брата братъ, вражда межъ собой,
И свой воздвигнувъ стягъ.
Свобода юная идетъ теперь въ борьбу
Со старымъ, дряхлымъ гнетомъ
Отсрочить, можно бы еще его судьбу
Бездушнымъ пулеметомъ,
Но дни ужъ сочтены: онъ безнадежно слабъ.
То знамя не сдадутъ,
Гдѣ ярко начерталъ еще недавній рабъ:
«Свобода, счастье, трудъ!»

1905

Лехъ.

Телеграмма.

(перехваченная).

Нашу губернію объявили на военномъ положеніи. Во избѣжаніе крупныхъ недоразумѣній, просимъ разъяснить, касается ли это насъ?..

*Члены партіи правого порядка,
Русскаго собранія и черной сотни.*

Подпоручикъ телеграфа.

* * *

— Не ожидай, — сказалъ намъ иностранецъ, — чтобы такая молодая конституція могла такъ много народить сразу казаковъ!
— Казаки — это что, — бывали случаи... а вотъ пулеметы...

Русскій подданный.

Эй, ухнемъ!..

Редакторы-издатели не могутъ пользоваться двумя свободами сразу: быть «на свободѣ» и свободно писать.

* * *

Напишешь — посадятъ,
нарисуешь — посадятъ,
напечатаешь — посадятъ,
отдохнешь — посадятъ,
недоволенъ — посадятъ,
слишкомъ веселъ — посадятъ,

Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!
(Скупой рыцарь).

не успѣлъ еще проредактировать
сатирическій журналъ — по-
садятъ,
рука приложилъ — сугубо заса-
дать.

Селестомъ.

Монологъ редактора.

Комната редактора «Истинно русской газеты». За громаднымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ рукописями, сидитъ панаша Суворинъ и читаетъ воскресный фельетонъ Меньшикова. Дочитавъ до конца, откидывается на спинку кресла и смотритъ задумчиво передъ собою.

Суворинъ *(послѣ нѣкотораго раздумья)*.

Вотъ этотъ-молодецъ! Иной разъ заведетъ такую канитель, что въ ней не разобраться, Но пишетъ хорошо... Нельзя не зачитаться! Онъ скоро и меня, пожалуй, превзойдетъ. *(Взоръ старика становится елеино-грустнымъ, какъ у Лудушки)*.

Порой начнешь читать, такъ просто страшно станеть; Не знаешь какъ и быть съ набросанной картиной. А тамъ, глядишь, опять, какъ лишкой паутиной, Все самъ же тщательно замажетъ и затянетъ. Сегодня либераль, онъ завтра ретроградомъ. Способенъ быть и міръ весь «удивить злодѣйствомъ». Гдѣ наглостью беретъ, гдѣ просто фарисействомъ, То дернется впередъ, то пятится вновь задомъ.

(Съ саркастической улыбкой).

Ученость какова! Готовъ нашъ пустомеля Быть всѣмъ: историкомъ, философомъ, юристомъ. Иной простака сочтетъ его и финансистомъ, Не зная, гдѣ сокрытъ «секретъ полишинеля». Онъ вѣрно не одной отмѣченъ психопаткой... Ну, гдѣ жъ имъ уловить всѣ выверты, изъяны. Осилить фельетонъ — не нужно валерьяны. Другая сразу же уснетъ въ истомѣ сладкой, Разъ Меньшиковъ сказалъ, такъ нѣтъ уже сомнѣній! Ха, ха! Забавно какъ... Ну, право точно дѣти. Да, ловкій паренекъ... умѣетъ ставить сѣти. Вѣдь это онъ нашелъ у насъ «парламентъ мнѣній».

(Нахмурившись).

Вотъ шутъ гороховый!.. И вправду такъ задорно Иной разъ запоетъ, ну, просто, громовежце! Шалишь, братъ, здѣсь я былъ и буду самодержецъ! Перечить мнѣ не смѣй, а то скручу проворно! *(Приходитъ въ ярость и швыряетъ фельетонъ. Затѣмъ успокоившись беретъ другой и говоритъ тихимъ голосомъ)*. А этотъ! Старый другъ и вмѣстѣ песъ мой вѣрный! Какъ долго лаялъ ты и какъ умѣлъ кусаться! Ты съ воемъ и теперь готовъ на всѣхъ бросаться, Но... запахъ отъ тебя идетъ какой то скверный. Эхъ, стари стали мы...

(Наклоняетъ низко голову и испускаетъ слезу... можетъ быть раскаянья).

Антонъ Смирный.

Развѣ это не вѣрное обезпеченіе займа?..

Откуда пошли на Руси начальники губерній.

Насъ давно интересовало значеніе словъ: «положеніе хуже губернаторскаго». Сначала мы имѣли намѣреніе обратиться непосредственно къ г. Дурново, но, вспомнивъ во время, что г. Дурново можетъ быть занятъ овсомъ, удовольствовались дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

— Вы желали бы знать, что значитъ выраженіе «положеніе хуже губернаторскаго?»—

спросилъ насъ представитель высшей бюрократіи.—На этотъ вопросъ я могу вамъ отвѣтить.

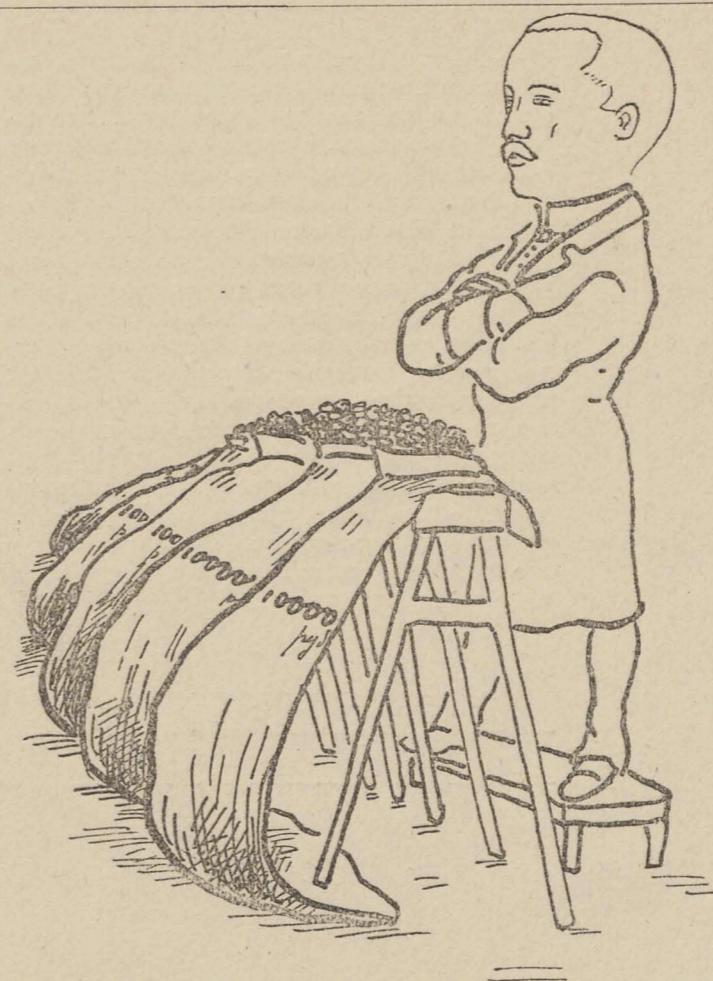
Мы приготовили записную книжку.

— Долженъ васъ предупредить, что оно никакого отношенія къ администраціи не имѣетъ. Происхожденіе этой поговорки, чего вы, конечно, не ожидали, конюшеннаго, или правильнѣе, конюшенно-зоологическаго происхожденія.

Мы выразили свое крайнее удивленіе и даже привстали на стулѣ.

— Между тѣмъ, это именно такъ—съ легкой улыбкой продолжалъ нашъ сановный со-

бесѣдникъ.—Вы разочарованы? О, конечно!... Всѣ вы такъ любите видѣть администрацію въ смѣшномъ или дурномъ видѣ и часто, ахъ, какъ часто, совершенно неосновательно! Но къ дѣлу. Видите ли, на конскихъ заводахъ имѣются люди, на обязанности коихъ лежитъ содѣйствіе... Ну, какъ бы это пояснить приличнѣе? Это подчасъ такъ трудно!.. Ну, скажемъ: содѣйствіе жеребцу въ рѣшительный моментъ, слегка улыбаясь проговорилъ нашъ собесѣдникъ.—По соображеніямъ мнѣ непонятнымъ, эти люди называются губернаторами, а такъ какъ профессія ихъ сопряжена съ немалой опасностью пострадать

Тѣмъ!...!

отъ копытъ, то и говорятъ «положеніе хуже губернаторскаго». Что объясненіе мое совершенно соответствуетъ дѣйствительности, подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что выраженіе «положеніе хуже губернаторскаго» происхожденія очень давняго, тогда какъ положеніе нашихъ администраторовъ стало опаснымъ сравнительно недавно. Вотъ и все, что я могу вамъ сказать...

Мы невольно разразились хохотомъ, что, повидимому, не понравилось нашему сановному представителю бюрократіи.

— Простите, ваше пр—во, но вѣдь это презабавно...

P-2-3176

23 Декабря 1905 г.

Къ 50-му юбилею популярнаго пастыря.

Что даль ты родинѣ—скажи?
 Привель ее хотя-бы къ Богу?
 Иль суетвѣрю и лжи
 Усердно расчищаль дорогу?
 Деньгамъ народнымъ велъ ли счетъ?
 Вѣдь въ нихъ могъ быть и грошъ вдовицы.
 Любилъ-ли пышность и почетъ,
 Иль путь веригъ и власяницы?
 Ты осѣняль богатый пиръ,
 А шелъ ли ты къ нуждѣ бездомной?
 Кто изъ тебя создалъ кумиръ
 Толпѣ невѣжественной, темной?
 Себя умѣль ты оградить!
 Не зная надъ собой закона,
 Ты счеты личные сводить
 Умѣль молитвенно съ амвона.
 Въ свободы дни твой пылъ утихъ.
 Иль совѣсть бьетъ теперь тревогу,
 Что совращаль ты «малыхъ сихъ»,
 Служа земному только богу?

Антонъ Смирный.

— Какъ на чей взглядъ! Напримѣръ, покойный Вячеславъ Константиновичъ Плеве отнюдь не считаль это забавнымъ... Наоборотъ, такое, можно сказать, святотатственное отождествленіе двухъ столь несходныхъ положеній всегда безпокоило Вячеслава Константиновича. Одно время Вячеславъ Константиновичъ имѣль даже намѣреніе совершенно упразднить жеребьячихъ губернаторовъ, дабы не подрывался престижъ власти. Это даже обсуждалось въ негласной комиссиі, но остановились на выходѣ болѣе цѣлесообразномъ: настоящихъ губернаторовъ стали звать начальниками губерній... Кстати, оно и звучитъ солиднѣе, что опять таки всегда живо интересовало покойнаго Вячеслава Константиновича... «Начальникъ губерніи!» Неправда ли, это звучитъ внушительно?

Мы вполне согласились и поблагодаривъ его пр—во, откланялись.

Paolo Solomini.

Издатель В. М. Вышомирскій.

Редакторъ П. С. Соломко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на журналъ политической сатиры

„ПАЯЦЪ“.

Выходитъ еженедѣльно отъ 8—12 стр., въ краскахъ.

на 12 мѣс. съ пер.—4 руб., 6 мѣс.—2 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ конторѣ редакціи, Англійскій просп., д. 40, кв. 7.

Въ книжномъ магазинѣ газеты «Наша Жизнь», Невскій пр., 19.

Въ книжномъ магазинѣ «Трудъ», Невскій пр., 60.

» » «Русской Газеты», Невскій пр., 52.

Отдѣльные №№ у газетчиковъ и въ кіоскахъ.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

ПО ДѢЛАМЪ РЕДАКЦІИ ПРИНИМАЮТЬ:

Секретарь ежедневно отъ 11—1 час. дня, редакторъ или издатель понедѣльникъ, четвергъ отъ 7—8 час. веч., вторникъ, среда, пятница отъ 6—7 час. веч., по субботамъ отъ 11—12 час. дня. Телефонъ № 237—99.

Издатель В. М. Вышомирскій.

Редакторъ П. С. Соломко.

Типографія „Свѣръ“ А. М. Лесмана, С.-Петербургъ, Садовая, 42.

